

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ: ЗАМЫСЕЛ И РЕЗУЛЬТАТ

Светлана Геннадьевна КОВАЛЕНКО

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Российская Федерация
ostina@list.ru

История статьи:

Принята 11.06.2015
Одобрена 23.06.2015

УДК 947.088 (571.6)
JEL: D78, E27, E65, R12

Ключевые слова: перестройка, ускорение, экономическая реформа, региональные программы, индустриализация

Аннотация

Тема. Статья посвящена исследованию переломного периода – перестройки. Важнейшая составляющая самосознания нации – осмысление ключевых моментов в истории. Этот процесс никогда не заканчивается, что является абсолютно нормальным для любого народа. 2015 г. является в определенной степени юбилейным – прошло 30 лет с момента начала преобразований, кардинальным образом изменивших жизнь в региональном пространстве. Каждое поколение привносит свое понимание знаковых событий в истории. Поэтому предмет статьи – рассмотрение советской модернизации экономики Дальнего Востока с точки зрения современных теоретических подходов.

Цели. Анализируется замысел реформаторов, который состоял в том, чтобы раскрыть потенциал социализма на центральном и региональном уровнях. Для этого предполагалось инициировать очередной виток экономической модернизации на Дальнем Востоке. Целью статьи является раскрытие того, насколько удалось реально достичь официально заявленных рубежей.

Методология. Исследование базируется на методе исторического нарратива, контент-анализе впервые выявленных исторических документов и метода устной истории, который, по определению Сигурда Шмидта, является «практикой научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами». Кроме того, использованы ситуативный анализ перестроечных процессов в региональной экономике и теория модернизации.

Результаты. В статье дан анализ влияния перестроечных процессов на региональную экономику Дальнего Востока. Показаны процесс разрушения советской экономической системы и его пагубные последствия для жизни населения дальневосточного региона.

Выводы и значимость. Решающее значение в происходящих процессах принадлежало попытке структурного изменения советской экономической системы. Это привело к процессу утраты управления как на региональном, так и на местном уровне. Сделан вывод о катастрофических последствиях «ускорения» для социальной жизни и экономики дальневосточного региона. Раскрыты причины скрытого нежелания региональной управленческой элиты участвовать в кардинальных преобразованиях.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

В 2015 г. исполняется 30 лет знаковому событию в российской истории второй половины XX в. – перестройке. Колоссальное влияние, оказанное в это время на развитие Дальневосточного региона, требует переосмысления с современных научных позиций, ведь за прошедшее время фактически сменилось несколько исторических эпох – закат СССР, «лихие 90-е», политика стабилизации, проводимая с начала 2000-х гг. Все эти времена вносили свой вклад в понимание перестройки как на федеральном, так и на региональном уровне. Зачастую оценка этого события была связана с политической конъюнктурой и стремлением выдать желаемое за действительное [1–3].

Что же в реальности происходило на Дальнем Востоке? Фактически все события, связанные с кардинальными переменами в стране, в сознании дальневосточников слились воедино. Исследования, проведенные исследовательской группой Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, показывают, что никто так по большому счету и не понял, где пролегалась грань между критикой существующего строя и полной трансформацией привычной жизни [4–8]. А она существовала и была связана с кардинальным сломом внутривосточного экономического механизма. Однако это произошло не сразу.

Курс на последнюю в истории советского государства реформу управления был взят на

апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. Однако, что характерно, никаких конкретных мер по улучшению экономической ситуации на нем выработано не было. Особенно следует подчеркнуть, что первые два года нахождения у власти нового лидера государства в экономической сфере ничем не отличались от предыдущего периода. Предлагаемые меры оставались вполне традиционными в духе советского модернизационного проекта: повышение темпов экономического роста и уровня жизни населения путем постепенного увеличения заработной платы, пенсий и социальных расходов, а также с помощью ряда целевых программ – Продовольственной программы (24 мая 1982 г.), Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг (9 октября 1985 г.), жилищной программы «Жилье – 2000» и др. [9, с. 486–510].

Отношение к этим программам у дальневосточных управленцев было потребительским, причем один из таких управленцев вполне откровенно высказался в интервью: «Хоть никогда не выполнялись полностью программы, но деньги мы от центра получали, и на том спасибо». Остается добавить, что в традициях советской системы было просить больше ресурсов, чем было необходимо, а центр, как правило, удовлетворял эти запросы. Но ситуация стремительно менялась в связи с изменением вектора внутренней политики.

В целом индустриальное развитие Дальневосточного региона в указанный период происходило в рамках внутренней политики, осуществляемой высшей политической элитой страны, и того места в ней, которое определялось правительством. Именно поэтому государственные программы развития региона приобретали огромное политическое значение и служили в то время предметом активного бюрократического торга. Вернувшись в Москву из своего вояжа по стране, М.С. Горбачев неоднократно отмечал в выступлениях, что проходит саботаж перестройки на местном уровне, что новые требования об ускорении и демократизации не находят поддержки среди региональной элиты. Однако такая ситуация нисколько не помешала главе государства инициировать новый виток преобразований.

Более полное развитие экономическая реформа получила на июльском пленуме ЦК КПСС в 1987 г. Все официальные документы, раскрывающие суть новой экономической стратегии, фактически дублировали положения так называемой косыгинской

реформы. С точки зрения правительства, радикализм преобразований заключался в ориентации экономики на эффективную работу ее основного звена – *предприятия*. Планировалось расширение прав предприятий, объединений, уточнение компетенции министерств и других органов управления. На официальном уровне в очередной раз речь зашла о самостоятельности предприятий (как это было в 1965 г.) и об интенсификации производства, внедрении экономических рычагов управления и самоуправления предприятий [10–12].

Формально противоречий в этом не было. Но фактически совместить столь разные требования было просто невозможно. В комплексной программе научно-технического прогресса Дальневосточного экономического района на период 1991–2010 гг. (Хабаровск, 1987 г.) на основе экономического анализа показано, что за период 1965–1985 гг. прирост основных производственных факторов не компенсировал снижающей эффективности их использования. Развитие экономики региона характеризовалось значительно более сильной зависимостью от экстенсивных факторов роста производства, чем в целом по стране. Прирост производства за счет экстенсивных факторов составлял примерно 80% против 20%¹. С такими параметрами даже начинать реформирование экономики региона не имело смысла. Региональная элита хорошо понимала и вполне осознавала данную проблему.

Все решения центра, проходя через региональный уровень, смягчались или нивелировались. Особенно показательной была поездка М.С. Горбачева на Дальний Восток. Традиционные фразы о том, «как нам быстрее преобразовать этот край, обратить на службу советскому народу его богатства, лучше и полнее удовлетворить потребности живущих здесь людей», не могли удовлетворить региональную элиту. Анализ документов показывает, что скептическое отношение к идеям главы государства присутствовало на Дальнем Востоке повсеместно. Но это опять-таки не помешало взаимодействию в рамках существующих управленческих отношений.

Именно во Владивостоке под определенным давлением со стороны местной номенклатуры был поставлен вопрос о выработке концепции развития региона в рамках единой государственной политики и воплощении этой концепции в единую государственную программу, что и было реализовано².

¹ ГАПК. П–68. Оп. 117. Д. 577. Л. 7–8.

² ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 587. Л. 6.

Очередная долговременная программа «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.», принятая в 1987 г., отличалась от других подобных документов прежде всего тем, что ее реализация должна была проходить в условиях нового внутриполитического курса страны.

Основная цель, которая ставилась перед регионом, была достаточно традиционна – обеспечить ускоренное развитие социальной сферы региона и создать в нем высокоэффективный народнохозяйственный комплекс, располагающий оптимальной структурой экономики, ресурсной и научно-производственной базой, органически включенный в систему общесоюзного и международного разделения труда.

Указанный документ был подготовлен в строгом соответствии с советскими традициями, несмотря на новые условия. В пунктах, касающихся реализации долговременной государственной программы, неоднократно звучит лейтмотивом мысль о том, что «если не принять дополнительных мер, то достигнуть указанных рубежей или хотя бы приблизиться к ним не удастся». Ставилась задача увеличить к 2000 г. объем производства как минимум в 2,7 раза. Экономический анализ советских специалистов показал, что в важнейших отраслях промышленности – угольной, энергетике и ряде других (за исключением машиностроения), реально достижимые темпы роста составляют от 1,5 до 2. Это было возможно только при условии своевременного завершения строительства предусмотренных программой 180 новых производственных объектов, расширении 20 и реконструкции 20 действующих предприятий с затратами на эти цели, а также на строительство жилья и объектов соцкультбыта в общей сложности 50 млрд руб. Огромный удельный вес в промышленности сырьевых отраслей (около 50%) и низкий уровень переработки добываемого сырья противоречили новым требованиям об ориентации экономики на повышение эффективности, т.е. на достижение максимального народнохозяйственного эффекта при минимальных совокупных затратах. Так как вывоз сырья по эффективности был в 4–5 раз ниже по сравнению с вывозкой готового продукта³.

Для реализации общегосударственных целей и программ развития региона предполагалось также использовать достаточно апробированные методы:

увеличение расходов государства на развитие экономики и социальные выплаты, усиление государственного контроля качества продукции (создание института Госприемки); повышение ответственности предприятий за выполнение планов и хозяйственных договоров, повышение производительности труда [9, с. 486–510].

В официальных документах подчеркивалось, что «это качественно новый этап комплексного преобразования Дальневосточного экономического района... Для реализации этих задач необходима перестройка экономики, изменение системы хозяйствования в основном ее звене – на предприятии... Полный хозяйственный расчет и самофинансирование поставят заслон растративанию без пользы заработанных собственным трудом средств, бездумному наращиванию производственных мощностей»⁴.

Таким образом, предполагалось не просто кардинальное реформирование экономической системы, планировалось структурное изменение всех экономических параметров, ведь более 20 лет основным звеном в экономике фактически выступала *отрасль*, а не *предприятие*.

Так как для экономической реформы предприятий практически за основу были взяты положения косыгинской реформы 1965 г., это само по себе свидетельствовало о том, что в рамках советской системы проблематично было предложить что-либо кардинально новое. Однако в новых условиях предприятия действительно получили самостоятельность в принятии важнейших решений. Ослабление контроля за их деятельностью повлекло за собой в первую очередь быстрое увеличение роста заработной платы в промышленности. Это делалось на законных основаниях, в частности путем выплат из фондов экономического стимулирования (ФЭС). Еще со времен косыгинской реформы ФЭС включали 3 основных фонда: 1) фонд материального поощрения; 2) фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; 3) фонд развития производства. До 1987 г. размер отчислений в ФЭС был жестко регламентирован, а с 1988 г. предприятия сами получили возможность определять размер таких отчислений. В результате, если в 1987 г. только 34% прибыли, остающейся в распоряжении государственных предприятий, отчислялось в ФЭС, то в 1988 г. эта доля выросла до 82%, а в 1989 г. – до 94% прибыли.

³ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 587. Л. 172–173.

⁴ ГАПК. Ф. 549. Оп. 5. Д. 65. Л. 63.

Положение осложнялось тем, что для осуществления очередного модернизационного рывка необходимы были деньги. Однако следствием проводимой в этот период экономической политики стало серьезное разбалансирование государственного бюджета. В ходе антиалкогольной компании общая сумма поступлений в бюджет налога с оборота сократилась по отношению к ВВП с 14% в 1984 г. до 11% в 1987 г. Из-за ограничения на продажу алкоголя у населения образовался излишек денежных средств, а предложение товаров народного потребления оставалось ограниченным: все силы были брошены на очередной этап индустриализации или, как это называлось в официальных документах, «ускорение». Даже по официальным данным, среднегодовые темпы прироста производства предметов потребления снизились с 3,8% в 1981–1984 гг. до 3,2% в 1985–1987 гг. Особенно остро эта проблема проявилась на Дальнем Востоке, традиционно страдающем от нехватки ширпотреба и избытка денег.

Так, в Приморье в 1985–1987 гг. населению не было реализовано товаров на сумму почти 96 млн руб. и услуг – на 6,5 млн руб. Более того, динамика оставалась стабильно плохой. Были сорваны плановые задания на 1988 г. – в I квартале было недодано услуг на 8,5 млн руб.⁵

В то же время программа «ускорения» потребовала увеличения темпов роста государственных расходов на капитальные вложения. В результате отношение государственных капиталовложений к ВВП выросло с 20% в 1984 г. до 22% в 1987 г. К не благоприятным для советской экономической системы факторам следует отнести сокращение поставок нефти в результате истощения ряда старых месторождений. Правда, в 1986 г. объемы добычи нефти были все же восстановлены, но произошло резкое снижение цен на мировом нефтяном рынке. Правительством принимались меры для преодоления сложившейся ситуации, были снижены темпы роста государственных расходов, в первую очередь на капитальные вложения. Отношение всей суммы бюджетных расходов к ВВП сократилось с 52% в 1987 г. до 51% в 1989 г., отношение государственных инвестиций к ВВП стабилизировалось на уровне 22%⁶.

От такой внутригосударственной политики Дальний Восток пострадал значительно серьезнее, чем другие регионы, ведь он больше зависел

от выделения необходимых средств [13]. По документам Плановой комиссии Приморского края, объем капитальных вложений, необходимых для выполнения государственной программы 1987 г., был не сбалансирован. Для ее реализации необходимо было освоить около 45 млрд руб. капитальных вложений, в то время как возможности края с учетом реконструкции действующих и ввода новых предприятий составляли 25–30 млрд руб. Недостающие средства должен был обеспечить центр. Но их, увы, не было в государственном бюджете.

Вполне справедлив вывод Плановой комиссии Приморского края о том, что ряд министерств и ведомств издали чисто формальные приказы по реализации долговременной государственной программы 1987 г., повторяя в них задания согласно положениям постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19.08.1987 № 958 (не подкрепленные материально), а некоторые их вообще не издали... Таким образом, экономических основ, необходимых для реализации программы, в приказах определено не было. В результате в 1987 г. коэффициент обновления основных производственных фондов в Приморье составил 5,8%, тогда как в РСФСР – 8,2%⁷. То есть ни о каком выполнении очередной государственной программы речи идти не могло.

Более того, поиск путей для дальнейшего модернизационного «рывка» порождал все большее расшатывание плановой экономики. Далеким решением было разрешение формирования новых хозяйствующих субъектов: кооперативов разных типов, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, совместных предприятий и расширение их прав на занятие новыми видами деятельности.

Стимулирование деятельности негосударственных предприятий вовсе не повлекло за собой увеличения их удельного веса в экономике. Суммарный вклад новых хозяйствующих субъектов в производстве ВВП в 1989 г. не превышал 3–4%, причем речь шла не столько о собственном производстве, сколько о перераспределении производства ВВП от государственных предприятий к негосударственным хозяйствующим субъектам. Большинство кооперативов начало создаваться при государственных предприятиях, а вовсе не в сфере потребительского рынка, как это задумывалось изначально (что приводило к

⁵ ГАПК. Ф. 549. Оп. 5. Д. 65. Л. 63.

⁶ ГАПК. Ф. 510. Оп. 4. Д. 65. Л. 97.

⁷ ГАПК. Ф. 510. Оп. 4. Д. 65. Л. 101.

стремительному перетеканию прибыли в частные карманы). Интересно, что за рубежом подобная коррупционная практика была хорошо известна и осуждена, создавать кооперативы при предприятиях запрещалось. Однако чужой урок не пошел впрок, а может быть, и привлек внимание простотой коррупционной схемы.

Дело в том, что советская система отношений всегда была перераспределительной, форма определяла содержание. И кооперативы становятся для руководителей государственных предприятий источником получения доходов, причем в первую очередь личных [14–20]. По состоянию на 1 апреля 1989 г. в Приморском крае действовало 617 кооперативов с численностью рабочих 12 тыс. чел. Однако населению было оказано услуг, создано и продано товаров на сумму не более 10 млн руб., или только 30% от общего объема выручки от реализованной продукции, работ и услуг⁸.

Серьезной проблемой в условиях реформы был недостаток валюты. Для привлечения валютных средств решено было создать *экономические зоны*. Примеры их создания были известны по зарубежному опыту. По инициативе Правительства СССР была разработана так называемая единая государственная концепция свободных зон. Свободные зоны рассматривались как элемент государственной внешнеэкономической политики и способ стимулирования межгосударственных отношений СССР с зарубежными партнерами. По форме они должны были быть зонами совместного предпринимательства, территориями с высокой концентрацией предприятий с иностранным участием. Предполагалось, что такие зоны будут создаваться в регионах с развитым научно-техническим потенциалом в целях производства наукоемкой продукции на базе соединения советских технологий и иностранного капитала. В Приморском и Хабаровских краях, Амурской, Сахалинской и Камчатской областях, а также в Якутской АССР были разработаны предложения по реализации указанных планов.

В предложениях по реализации было намечено более 20 свободных экономических зон (СЭЗ), в том числе:

- 9 зон концессионного характера, предусматривающие создание совместных предприятий по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов, включая

создание совместных предприятий по глубокой переработке древесины (районы «Скалистый-Бысса», Аяно-Майский, зона БАМа и др.);

- 3 *территориально-административные зоны*, имеющие специфику национального или географического характера и определенную политическую направленность (Еврейская АО, Корякский АО и остров Сахалин, включая Курильские острова);
- 2 *научно-технические зоны* на базе имеющихся разработок научных центров Дальнего Востока путем создания небольших, но хорошо оснащенных совместных опытно-промышленных предприятий, осваивающих эти достижения;
- 1 *промышленно-отраслевая зона* совместного предпринимательства на базе прибрежных производств, промысловых и перерабатывающих судов бассейнового производственного объединения (БПО) «Дальрыба»;
- 3 *портово-таможенные зоны*, 6 *промышленно-экономических зон*, нескольких совместных *туристическо-охотничьих (рыболовных) кемпингов и санаторно-курортных объектов*.

Для координации деятельности региональной и местной власти было предложено создание координационного центра, специального коммерческого банка и пр.⁹

Верховный Совет РСФСР принял предложения 11 региональных советов народных депутатов об объявлении их территорий зонами свободного предпринимательства. Зоны учреждались в городах Ленинграде, Выборге, Находке, Калининградской, Сахалинской и Читинской областях, в Алтайском крае, Кемеровской и Новгородской областях, г. Зеленограде, Еврейской автономной области. Почти сразу в 1990–1991 гг. Совет Министров и Верховный Совет РСФСР утвердили по каждой зоне отдельное положение, закреплявшее ее хозяйственно-правовой статус. Весь спектр предоставленных льгот был фактически стандартным. Более того, СЭЗ были призваны решить огромное количество внутриэкономических проблем, в то время как централизованная система хозяйствования уже фактически не справлялась со своими функциями.

Любые виды льгот на территории СЭЗ предусматривались только в отношении предприятий с иностранным участием и в пределах, определяемых действовавшими в СССР нормами регулирования

⁸ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 953. Л. 8.

⁹ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 796. Л. 42–43.

иностранных инвестиций. Хотя принятые решения способствовали притоку в зоны иностранного капитала (росло число совместных предприятий в Находке, Калининграде, на Сахалине), они не были до конца продуманы ни с точки зрения их практической реализуемости, ни по своим возможным негативным последствиям.

Принятые на государственном уровне документы фактически не ставили никаких препятствий в формировании СЭЗ. Ситуация, когда тот или иной субъект РФ объявлял о принятии экономической зоной соответствующего статуса, лоббируя это решение в верхах, стала практически нормой политической жизни того времени.

С другой стороны, подобная активность местных властей отражала их стремление хоть как-то бороться с кризисными процессами, отгородиться с помощью статуса СЭЗ от массы различных проблем, нахлынувших, как им представлялось, из центра. В конце 1991 – начале 1992 г., когда российское руководство приняло курс на широкое открытие экономики в целях ее стабилизации, выборочная либерализация предпринимательского климата на уровне отдельных зональных территорий во многом лишалась своего смысла. Принятые в этот период в Российской Федерации нормативно-правовые акты по регулированию внешнеэкономической деятельности не предусматривали изменений применительно к зональным территориям. И хотя действовавших в зонах статусных положений формально никто не отменял, налоговые службы истолковали их как утратившие силу, что фактически упраздняло значительную часть ранее предоставленных зонам льгот.

Такая неопределенность в законодательно-правовом положении СЭЗ вызвала беспокойство иностранных инвесторов, расценивших сложившуюся ситуацию как принципиальный отход правительства от линии на создание зон. Именно это, а также просьба руководителей зональных администраций (официальное обращение в федеральные органы власти было сделано весной 1992 г.) гарантировать действие ранее введенной в зонах системы льгот способствовали выходу в июне 1992 г. Указа Президента РФ. В данном указе было подтверждено действие прежних зональных преференций для иностранных предприятий и предприятий с иностранными инвестициями, сохранены отдельные льготы в области внешнеэкономической деятельности для российских предприятий и даже предусмотрены некоторые общие дополнительные

льготы, нацеленные на облегчение финансирования объектов инфраструктуры в зонах (предоставление для этих целей бюджетных кредитов, направление в специальные зональные фонды части средств от приватизации федеральной собственности и др.). Принятие указа способствовало тому, что в отдельных наиболее «продвинутых» зонах (Находка, Калининград) началась практическая разработка стратегии развития территории и конкретных инвестиционных проектов по ее обустройству¹⁰. Но в целом в государственной политике возобладала линия на удержание субъектов РФ в рамках внутрисубъектного экономического пространства.

На фактическое закрытие ранее созданных СЭЗ были направлены решения, принятые в июне 1993 г.: законодательное урезание предоставленных зонам таможенных льгот (Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 «О таможенном тарифе») и очередная отмена налоговых преференций (письмо Государственной налоговой службы РФ от 06.10.1993 № ВГ-6-14/344 и указания Минфина РФ). И хотя иностранным инвесторам указом президента были даны гарантии по сохранению прежних условий деятельности на 3 года вперед, над зонами нависла атмосфера бесперспективности. Очередной проект, ориентированный на внешние источники притока финансов, закончился для Дальнего Востока неудачей.

Все это напрямую отразилось на настроениях населения [21–23]. Растущее социальное недовольство и ожидание лучшей жизни привели к тому, что в 1989 г. в СССР прошли первые массовые забастовки. Дальний Восток также не остался в стороне от этих процессов. В Приморье группа рабочих и инженерно-технических работников Хрустальненского шахтопроходческого управления треста «Дальцветметшахтострой» в пос. Кавалерово организовали 4 дневную забастовку на рабочих местах. Как было написано в справке Приморского крайкома КПСС – «воспользовавшись ошибками и недоработками администрации». Инициатором забастовки выступил подземный горный рабочий В.Г. Ноздрев. Им была направлена ультимативная телеграмма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. За допущение подобного инцидента начальник треста был уволен¹¹.

В записке ЦК КПСС (1989 г.) отмечалось, что серьезно обострилась обстановка в трудовых коллективах

¹⁰ Шаронов С.А. Свободные экономические зоны. URL: http://samlib.ru/s/sharapow_sergej.

¹¹ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 910. Л. 225.

предприятий Министерства рыбного хозяйства на всем Дальнем Востоке. Рыбаков не удовлетворяли сложившиеся условия труда, слабая техническая мощность судов и береговых предприятий, старение добывающего и обрабатывающего флота, ручной труд, причем очень интенсивный¹².

Требования бастующих и недовольных были предсказуемы – повышение заработной платы и улучшение условий жизни и труда. Государство пошло и на этот шаг. Очень быстро он привел к накоплению денежных средств в руках у населения, так как товаров широкого потребления не хватало. Так, в Приморье доходы населения края в 1988 г. превысили 5 млрд руб., причем темпы роста в течение 1987–1988 гг. составили 108,3–108,7% (360–400 млн руб.). В то время как прирост денежных доходов составил 696 млн руб. (доходы населения к 1985 г. составили 4 148 млн руб.). При данных темпах роста доходы населения Приморского края к 1990 г. достигли 6 млрд руб. Прирост XXII пятилетки в 2 млрд руб. не был подкреплен товарной массой на 350–400 млн руб. Сумма превышения денежных доходов над расходами в 1988 г. составила 51,6 млн руб. Сверхплановая эмиссия денег увеличилась в 2,2 раза¹³.

Доходы населения, по мнению экспертов, росли «лавинообразно». Структура основных статей доходов выглядела следующим образом:

- заработная плата – 82%;
- пенсии, стипендии и различные пособия – 8,2%;
- доходы от личного подсобного хозяйства – 0,9%;
- доход от других источников – 8,9%.

На словах осуждая затратный механизм хозяйствования, иждивенчество и уравниловку, предприятия региона активно использовали неформальные механизмы увеличения прибыли. Как правило, это происходило за счет накручивания вала, цен, ухода от так называемых невыгодных работ. Хозяйственные руководители в условиях несовершенства проводимой экономической реформы незаслуженно увеличивали фонды заработной платы и материального поощрения, что явилось одной из главных причин инфляционного процесса на Дальнем Востоке.

Проведенное в 1987 г. выборочное исследование о предполагаемом использовании денежных

сбережений показало, что основными причинами не использования накоплений являются трудности в приобретении одежды у 39% семей (61% респондентов не удовлетворяло ее качество); 62% опрошенных имели трудности в приобретении мебели, организации отдыха, ремонте жилья, в строительстве и покупке гаражей и пр.¹⁴. В среднем по Дальнему Востоку зарплаты к 1991 г. увеличились в 1,5–2 раза. Это был очень серьезный показатель, который требовал принятия оперативных мер.

По мнению заведующего социально-экономическим отделом Приморского крайкома КПСС В.А. Кирсанова, «без остановки мощного многомиллионного потока «незаработанных» денег на покупательский товарный рынок никакие программы наращивания товаров народного потребления не дадут желаемого результата»¹⁵. Остается добавить, что удовлетворить спрос в тех условиях вообще не было никакой возможности.

Социальная обстановка в регионе дестабилизировалась еще до 1991 г., когда Россия официально выбрала себе либерально-монетаристский путь перехода к рыночным отношениям.

Существовали, надо отметить, и другие альтернативы в социально-экономическом развитии региона. Для экономики Дальнего Востока существенно одно – либеральные ценности или то, что под ними понималось с 1987 г., были приняты за образец как в политической, так и в экономической сфере [24]. Режим Бориса Ельцина пошел наиболее губительным для страны путем [25]. Экономическая стратегия, призванная не только вывести регион из кризиса, но и способствовать его дальнейшему развитию в русле «ускорения», привела к полному разрушению советской экономической системы на территории региона. Каждый шаг правительства не только не выправлял ситуации, но еще больше обострял ее. Этому способствовало и стремление определенных кругов региональной элиты воспользоваться ситуацией в своих целях [6, 20].

Катастрофические последствия для населения начали сказываться практически сразу же, уже в первые годы реализации нового экономического курса. Закономерными результатами стали обвал региональной экономики, огромные социальные потери и уход большинства населения региона в разнообразные стратегии выживания.

¹² ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 962. Л. 5.

¹³ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 962. Л. 5.

¹⁴ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 953. Л. 5.

¹⁵ ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 953. Л. 5.

Список литературы

1. Административные реформы в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2006. 644 с.
2. *Кудрявцев В.Н.* Какое государство мы строим. М.: Политиздат, 1991. 95 с.
3. *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть. М.: ЮКЗА, 2002. 830 с.
4. *Ващук А.С.* Перестройка на Российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современных дальневосточников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5–22.
5. *Ковалевская Ю.Н.* Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66–79.
6. *Коваленко С.Г.* Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 80–93.
7. *Попов С.И.* Политика, экономика, мораль: социально-нравственные аспекты перестройки. М.: Политиздат, 1989. 240 с.
8. *Чернолуцкая Е.Н.* «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5–22.
9. *Полетаев А.В.* Экономическое развитие СССР в 1980-е гг.: очерки политэкономики социализма // Экономическая история: ежегодник 2007. М.: РОССПЭН, 2008, 639 с.
10. *Абалкин Л.И.* Советское общество: революционное обновление. М.: Профиздат, 1989. 96 с.
11. *Яременко Ю.В.* О структурной перестройке экономики // Проблемы прогнозирования. 1997. № 4. С. 3–13.
12. *Яременко Ю.В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ: избранные труды. В 3 кн. Кн. 3. М.: Наука, 1999. 414 с.
13. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2002. 836 с.
14. *Корельский В.М.* Власть. Демократия. Перестройка. М.: Мысль, 1990. 238 с.
15. *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
16. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 381 с.
17. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
18. *Малютин М.* «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 36–45.
19. *Пастухов В.Б.* От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 49–56.
20. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир, 2000. 374 с.
21. *Виттенберг Е.Я.* Активность масс в условиях перестройки. Диалог с советологами. М.: Знание, 1989. 62 с.
22. *Согрин В.В.* Политическая история современной России: 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.
23. *Согрин В.В.* 1985–2005: Три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3. С. 3–24.
24. *Фурман Д.Е.* Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 9–17.
25. *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Economic Policy of the State

THE SOVIET ECONOMIC MODERNIZATION IN THE FAR EAST DURING THE PERESTROIKA: THE IDEA AND RESULTS

Svetlana G. KOVALENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS,
Vladivostok, Russian Federation
ostina@list.ru

Article history:

Received 11 June 2015

Accepted 23 June 2015

JEL classification: D78, E27, E65,
R12

Keywords: restructuring,
acceleration, economic reform,
regional programs, industrialization

Abstract

Importance The research investigates the *Perestroika* as a turning point in the Russian history. The article focuses on the Soviet modernization of the Far Eastern economy in terms of contemporary theoretical perspectives.

Objectives I analyze reformers' ideas of unleashing the socialistic potential at the central and regional levels. For this, they intended to initiate another stage of economic modernization in the Far East. The research aims at unveiling whether they succeeded in attaining their official goals.

Methods The research relies upon a historical narration, content analysis of recently discovered historical documents and the method of oral history, which Sigurd Schmidt called the practice of *scientifically organized and documented oral information of participants or witnesses of events*. Furthermore, I applied a situation analysis of the *Perestroika* processes in the regional economy, and the theory of modernization.

Results The article reviews what impact the *Perestroika* processes had on the regional economy of the Far East, and illustrates the process of destroying the Soviet economic system and adverse consequences for the population of the Far Eastern region.

Conclusions and Relevance It is worth mentioning an attempt of changing the structure of the Soviet economic system as an important and crucial aspect of those processes. It caused the loss of control at the regional and local levels. I conclude that such *acceleration* had catastrophic implications for the social life and economy of the Far East. I reveal reasons why the region's governing elite is reluctant to take part in crucial and fundamental reforms and transformations.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. *Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative reforms in Russia: history and modern times]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2006, 644 p.
2. Kudryavtsev V.N. *Kakoe gosudarstvo my stroim* [The State we create]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 96 p.
3. Gomerov I.N. *Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast'* [The State and State power]. Moscow, YUKZA Publ., 2002, 830 p.
4. Vashchuk A.S. *Perestroika na Rossiiskom Dal'nem Vostoke v sub"ektivnykh izmereniyakh sovremennykh dal'nevostochnikov: nadezhdy na sotsial'nyuyu modernizatsiyu i razocharovaniya* [Perestroika in the Russian Far East in the subjective dimension of contemporaries: the hopes for social modernization and frustration]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 4, pp. 5–22.
5. Kovalevskaya Yu.N. *Perestroika v obydenom soznanii dal'nevostochnikov: tridsat' let spustya* [The Perestroika as residents of the Far East see it: thirty years later]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 4, pp. 66–79.
6. Kovalenko S.G. *Srednee zveno upravlencheskoi elity Primor'ya v gody perestroiki: reaktsiya na mestakh* [The middle range of the Primorye governing elite during the Perestroika: a local response]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 4, pp. 80–93.
7. Popov S.I. *Politika, ekonomika, moral': sotsial'no-nravstvennye aspekty perestroiki* [Politics, economics, morals: social and moral aspects of the Perestroika]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 240 p.

8. Chernolutskaia E.N. “Tochka nevozvrata”: demograficheskaya dinamika na Dal’nem Vostoke SSSR v gody perestroiki (1985–1991) [Point of no return: the demographic dynamics in the Far East of the USSR in the Perestroika period (1986–1991)]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 4, pp. 5–22.
9. Poletaev A.V. *Ekonomicheskoe razvitiie SSSR v 1980-e gg.: ocherki politekonomiki sotsializma. V kn.: Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik* [Economic development of the USSR in the 1980s: essays on political economy of socialism. In: Economic History Yearbook]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2008, 639 p.
10. Abalkin L.I. *Sovetskoe obshchestvo: revolyutsionnoe obnovlenie* [The Soviet society: a revolutionary renewal]. Moscow, Profizdat Publ., 1989, 96 p.
11. Yaremenko Yu.V. O strukturnoi perestroike ekonomiki [On structural transformation of the economy]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 1997, no. 4, pp. 3–13.
12. Yaremenko Yu.V. *Prioritety strukturnoi politiki i opyt reform* [Priorities of the structural policy and reforming experience]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 414 p.
13. Minakir P.A. *Ekonomika regionov. Dal’nii Vostok* [Regions’ economy. The Far East]. Khabarovsk, Institute of Economic Research of FEB of RAS Publ., 2002, 836 p.
14. Korel’skii V.M. *Vlast’. Demokratiya. Perestroika* [Power. Democracy. Perestroika]. Moscow, Mysl’ Publ., 1990, 238 p.
15. Korzhikhina T.P., Figatner Yu.Yu. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya [The Soviet elite of functionaries: formation, mechanisms of activity]. *Voprosy Istorii*, 1993, no. 7, pp. 25–38.
16. Kryshchanovskaya O. *Anatomiya rossiiskoi elity* [The anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 381 p.
17. Kryshchanovskaya O. Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu [Transformation of the old Soviet political elite into new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’ = Social Sciences and Modern Times*, 1995, no. 1, pp. 51–65.
18. Malutin M. “Novaya” elita v novoi Rossii [‘New’ elite in new Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’ = Social Sciences and Modern Times*, 1992, no. 2, pp. 36–45.
19. Pastukhov V.B. Ot nomenklatury k burzhuzii: “novye russkie” [From nomenclature to bourgeoisie: the new Russians]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 1993, no. 2, pp. 49–56.
20. *Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov* [Regions’ Russia: transformation of political regimes]. Moscow, Ves’ mir Publ., 2000, 374 p.
21. Vittenberg E.Ya. *Aktivnost’ mass v usloviyakh perestroiki. Dialog s sovetologami* [Activity of the public during the Perestroika. A dialogue with sovietologists]. Moscow, Znanie Publ., 1989, 62 p.
22. Sogrin V.V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii: 1985–1994. Ot Gorbacheva do El’tsina* [Political history of modern Russia: 1985–1994. From Gorbachev to Yeltsin]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1994, 192 p.
23. Sogrin V.V. 1985–2005: Tri prevrashcheniya sovremennoi Rossii [1985–2005: Three transformations of modern Russia]. *Otechestvennaya istoriya = National History*, 2005, no. 3, pp. 3–24.
24. Furman D.E. *Nasha strannaya revolyutsiya* [Our strange revolution]. *Svobodnaya mysl’ = Free Thought*, 1993, no. 1, pp. 9–17.
25. Shevtsova L. *Rezhim Borisa El’tsina* [Regime of Boris Yeltsin]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1999, 535 p.